

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ФАРСАХ

С. В. Дасько

Белорусский государственный университет, г. Минск;

sndhk88@gmail.com;

науч. рук. – Е. А. Борисеева, канд. филол. наук, доцент

В статье исследуются особенности репрезентации жизни городского населения в средневековых французских фарсах. Рассматривается специфика изображения профессиональных и семейных отношений, также уделяется внимание рассмотрению системы персонажей и сюжетных ситуаций в текстах французских фарсов.

Ключевые слова: фарс; литература средневековья; городская литература; карнавальная культура; сатира.

Фарсы средневековой Франции представляют собой небольшие пьесы бытового содержания, наследовавшие традиции фаблио конца XII – начала XV вв. и освещавшие различные сферы жизни горожан.

Следуя за рыцарской литературой и куртуазными мотивами, городская литература открывает новый для того времени мир сатиры и комизма, сквозь призму которого средневековые авторы старались изобразить ту самую городскую жизнь, где всем правил трезвый взгляд. Острая сатира особенно проявила себя в конце Средневековья, «в пору бурных и многозначительных общественных потрясений и сдвигов, когда окончательно сформировалась культура города» [2, с. 7].

Немалую роль в формировании культуры города сыграл феномен карнавальной культуры. Носителями этого карнавального начала становятся шуты и дураки, которых можно встретить и в фарсах (например, «Бедный Жуан»), но чаще в других жанрах городской литературы, развивающихся параллельно – соти и мистериях. Наряду со становлением карнавальной культуры, где главную роль играют те самые дураки, а смех является неотъемлемой частью жизни, среди горожан наблюдается осознание несоответствия между окружающей действительностью и куртуазными ценностями, отсюда и дидактизм с острой сатирой, присутствующие в фарсах.

В основе произведений городской литературы – быт горожан, однако главная особенность подобных сюжетов – назидательность. Сюжеты могут варьироваться в зависимости от того, какую мораль вкладывали при написании фарса, поэтому встречаются сюжеты и о жадных священниках, и об обманутых глупцах, и о неверных супругах.

Фарсы восходят к жанрам повествовательной литературы – «примерам» («exempla») и фаблио. Унаследовав от фаблио систему образов-масок, фарсы предлагают нам бытовые и комичные истории из жизни горожан. Нововведением в фарсах стало то, что здесь нет активного навязывания собственной морали, конфликты не сложные, а скорее, бытовые и будничные. В фарсах встречается больше подробных жизнеописаний с деталями

повседневной жизни. Именно средневековые фарсы вобрали в себя большое количество героев, которые представляли различные профессии. Среди персонажей можно встретить священников, врачей, учителей, ремесленников, торговцев, среди которых суконщики, сапожники, булочники, меховщики, а также большое количество адвокатов, судей, прокуроров и судебных приставов. Такое разнообразие профессий отражает «общественное брожение» [2, с. 19], происходившее на рубеже двух эпох. Активное участие представителей юридических профессий в действиях фарсов говорит о важной роли права как «социально-культурной категории» [1, с. 133] в повседневной жизни горожан. В средневековье признавалось лишь то, что закреплено законом, и город – не исключение: цеха, университеты и любые другие объединения могли существовать официально только после принятия устава, а «без санкции права общественное отношение не считалось действительным» [1, с. 143]. Любые конфликты в то время рассматривались неразрывно с категорией права, поэтому Пастух из «Адвоката Пьера Патлена» прибегает к услугам адвоката Патлена, чтобы выиграть дело о краже скота суконщика.

Главным мотивом в фарсах становится обман, где представленные выше типы горожан оказываются вовлеченными в бытовой конфликт. Довольно часто встречается взаимодействие купца и горожанина. В подобных сюжетах и находит свое место довольно распространенный тип-маска плута и хитреца. Так, в фарсе об Адвокате Патлене суконщик и Патлен соревнуются в мастерстве обмана.

О положении купцов можно судить по монологу суконщика:

Кто только, милостивый боже,
Ко мне не лезет с лестью в дом,
Чтоб завладеть моим добром!
О царство жуликов и злыдней,
Где даже пастухи постыдней
Господ ведут себя... [2, с. 86].

Подтверждение этих слов можно найти в фарсе «Новый Патлен», где меховщик, обманутый Патленом, заявляет: «Осьмнадцать франков потерять! Вот жизнь купца!» [2, с. 148].

В фарсах отражен тот факт, что купечество основывалось на родственных связях, так как купцом становились чаще «по наследству». Причем дети купцов приобщались к семейному делу еще с раннего детства, они могли выполнять деловые поручения своих родителей. Именно это явление легло в основу фарса «Маюэ-простак», в котором мать, живущая в деревне, посылает своего сына в Париж для продажи сыра, яиц и сливок. Свидетельством того, что купечество являлось семейным делом, является и фраза Патлена в адрес меховщика в «Новом Патлене»:

Какой был человек прекрасный!
(Я все про вашего отца.)
Честнее не было купца! [2, с. 125]

Помимо описания профессиональной жизни горожан, встречаются семейные сюжеты, где участниками конфликта могут быть муж и жена,

родители и дети. В сюжетах о супружеской жизни конфликт часто строится на обличении супруга или супруги в измене, поэтому в подобных фарсах участвуют трое: муж, жена, любовник. Героями могут быть как и мужья, изменявшие своим ворчливым женам с прекрасными девушками, так и мужья-простаки и их хитрые жены-изменщицы.

Истоки подобных образов женщин в произведении можно найти в «примерах», ставших основой для фарсов. Женщина в «примерах» представлялась как орудие дьявола и само воплощение зла, так как у средневекового человека она ассоциировалась с сексуальностью и, следовательно, греховностью. Отсюда возникает такой образ женщины, который чаще всего представлен в фарсе: в «Новобрачном» жена жалуется родителям на то, что ее жених «оставил в девицах», а в «Бедном Жуане» у жены есть любовник, который дает ей два эку, пока Бедный Жуан не в состоянии обеспечить ее всем, чем она пожелает.

Также в фарсе «Новобрачный» есть намёк на насилие в отношении женщины. Так, отец, после рассказа дочери о ее несчастливой жизни с мужем, дает ей совет уходить, если муж возвращается злой, она же ему отвечает:

Он, батюшка, меня не бил –
Не оттого мои мученья [2, с. 45].

Конечно, следует учитывать и особенности жанра с его грубым комизмом, а также то, что подобного рода небольшие представления разыгрывались на площадях в качестве развлечения горожан, поэтому сцены семейной драки могли использоваться лишь для смеха, однако в фарсах насилие присутствует достаточно часто и в отношении разных героев. В «Женатом любовнике» жена вместе с соседкой избивает своего мужа за то, что тот ей изменял с дочерью той самой соседки. В фарсе «Паштет и торт» Пирожник сперва «расписывает портрет» своей жене за то, что та отдала паштет не тому, а потом «сто палок» получает мошенник, который хитростью завладел паштетом. Частое присутствие сцен насилия в произведениях, рассчитанных на развлечение городской публики, говорит лишь о том, что для средневекового человека насилие было забавой, над которой можно было посмеяться.

Кроме общего представления о положении жителей французских городов в Средние века, фарсы становятся источником, откуда можно черпать более детальную информацию о бытовой стороне жизни города.

Например, в «Новом Патлене» представляется большой список видов меха, которые можно было приобрести на средневековом рынке: мех мог быть из куницы, белки, бобра, лисы или даже ломбардской кошки. Отличался он и в зависимости от того, с какой части тела был взят, например, пупковый, шейчатый, лапчатый, душчатый, хребтовый, лобковый и черевий.

В «Бедном Жуане» дается довольно детальное описание составных частей гардероба горожан. Например, у Хлыща составляющими его «моднейшего наряда» являются кафтан и шляпа из камлота. Наряд жены Бедного Жуана включает в себя шляпу из ворса, шемизетку, тонкие перчатки, а у платья имеются подушечки на бедрах, которые в то время предназначались для того,

чтобы талия женщины казалась более тонкой. Как раз на средневековые приходится расцвет портновского искусства, что нашло свое отражение в том же фарсе о башмачнике. Жена просит мужа купить платье, которое ей пошила кума. Из разговора мужа и жены можно выяснить, что на манжетах в то время могли быть тафта, парча или бархат, само же платье сделано из меха белки, а корсаж обшит тесьмою.

Не менее интересный момент, помогающий установить, какие болезни встречались у городских жителей средневековой Франции, есть в фарсе о Бедном Жуане. Жена после встречи с любовником возвращается к Жуану, сердитому и неразговорчивому. Она пытается выяснить, что произошло, называя ряд болезней, которыми, как она предполагает, он заболел. Среди них встречаются подагра, трясучка, огневица, водянка, но есть и необычные названия заболеваний, например, под хворью угодника Фиакра подразумевается геморрой, а недуг святого Иоанна – это средневековое наименование эпилепсии, хворь Ильи-пророка означала паралич ног, который мог вылечить лишь этот святой.

В фарсе «Маюэ-простак» дается описание средневекового Парижа, куда Маюэ приехал для продажи своих товаров. Город окружен белыми стенами, которые герой сравнивает с сыром из-за их белого цвета. Это вполне соответствует тому, как были устроены средневековые города с высокими стенами, служащими защитой города. По сравнению с французской деревней, там не пасут свиней и не растет трава, зато имеются «большущие» дома и мостовые, соединяющие узкие улочки и переулки.

Традиционалистский характер средневековой литературы прослеживается и в фарсах. Например, в «Бедном Жуане» Хлыщ говорит об Обмане и Ханжестве, которые были героями «Романа о Розе», написанного раньше представленного фарса. Также можно встретить и отсылки к «Песни о Роланде». В «Новом Патлене» Меховщик сравнивает Священника с Ганелоном, когда тот не отдает ему деньги за мех:

Ей-богу, плутня неплоха:
Прибрать к рукам мои меха!
Да вы подлее Ганелона!
Для вас – ни чести, ни закона! [2, с. 147]

А в «Женатом любовнике», где жена уверяет мужа в том, что он смертельно болен, хотя видимых симптомов нет, муж говорит своей жене:

Но неужели смерть Роланда
Мне, горемыке, суждена? [2, с. 176]

Здесь под смертью Роланда подразумевается «смерть в расцвете сил без всякой видимой болезни» [2, с. 435], как умер когда-то герой французского героического эпоса от меча мавра. Такие упоминания важных для средневековой французской литературы произведений могут быть как подтверждением того, что фарсы были включены в традицию, так и свидетельством того процесса, который происходил во Франции XV века. Тогда «завершается эра личных связей и начинается эра национального самосознания» [3, с. 139]. Национальная литература всегда выступала одним

из средств формирования национального самосознания, поэтому то, что в литературных произведениях горожане в своих диалогах упоминают общеизвестных героев французской литературы, может быть свидетельством этого процесса.

Таким образом, средневековые фарсы, создаваемые на этапе формирования и развития французских городов, являлись источником информации об их жизни. Являясь драматическими произведениями, фарсы представляют читателю свои уникальные сюжеты, построенные на конфликтах из повседневной жизни горожан. Помимо этого, в них содержится большое количество деталей, позволяющих восстановить жизнь города средневековой Франции.

Библиографические ссылки

1. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир / А. Я. Гуревич. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 560 с.
2. Средневековые французские фарсы / Сост., предисл. и коммент. А. Д. Михайлова. – М.: Искусство, 1981. – 446 с.
3. Моруа А. История Франции (от римского времени до начала Великой Французской революции) / А. Моруа. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2008. – 352 с.